

Диана Белая

Сошедшая с небес

<https://litres.ru/73454431>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Сошедшая с небес"- это инструкция по сборке себя заново, написанная в формате захватывающего художественного повествования.

Главная героиня романа- Богиня, сошедшая с небесного Олимпа в обычную семью, чтобы понять человеческую тайну: почему люди цепляются за страдание, как за опору.

Сможет ли она выполнить свою миссию, не предав собственную божественную природу?

Её путь- 12 философских подвигов по дороге к себе

Это не просто история, а рабочая модель, показывающая, как самые тёмные периоды жизни — кризисы, потеря любимого, конфликты, ощущение инаковости — можно не просто пережить, а переплавить в источник силы и профессионального призвания.

Вы закроете последнюю страницу не просто с чувством катарсиса, а с конкретными инструментами и вопросами для исследования собственной жизни.

Это книга, после которой хочется не просто плакать или восхищаться — после неё хочется действовать, расти и договариваться с самим собой.

Содержание

Предисловие.	4
Пролог. Нисхождение (ASC СКОРПИОН).	6
Глава 1. Рыбки в Аквариуме (1-й дом: Скорпион, Марс, Южный Узел).	11
ГЛАВА 2. Клад (2-й дом: Скорпион, Нептун).	18
Глава 3. Каменные Слова (3-й дом в Козероге).	23
Глава 4. Дом бабушки как Вселенная (4-й дом в Водолее, в Меркурий, в Рыбах).	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Диана Белая

Сошедшая с небес

Предисловие.

«Сошедшая с небес» – это не книга, которую читают. Это пространство, в которое входят, чтобы встретиться с собой.

Это инструкция по сборке себя заново, написанная в формате захватывающего художественного повествования. Вы закроете последнюю страницу не просто с чувством катарсиса. А с **конкретными инструментами и вопросами для исследования собственной жизни**. Это книга, после которой хочется не просто плакать или восхищаться – после неё хочется действовать, расти и договариваться с самим собой.

Её структура – это космос.

12 глав- 12 домов астрологической карты, 12 сфер человеческого опыта: от самоощущения (дом 1) до тайн подсознания (дом 12). Каждая глава написана в своей стилистической манере, соответствующей знаку дома: вы почувствуете гнетущую влажность Скорпиона, каменную твердь Козерога, размытые сны рыб. Это не дань эзотерики, а литературный

приём, позволяющий прожить историю телом и душой, а не только умом.

В конце книги вас ждёт **«Путеводитель по языку архетипов»**. Не пропустите его. Это ваш ключ, ваш декодер, мостик между поэзией текста и самоисследования. Он превратит ваше чтение из эстетического переживания в глубоко личное путешествие.

Для кого эта книга?

*Искателям смысла, уставшим от плоского реализма и жаждущим глубины.

*Психологам, коучам, помогающим практикам, ищущим новые языки и метафоры для работы с клиентами.

*Всем, кто пережил экзистенциальный кризис, выгорание или чувствует, что живёт «не свою» жизнь.

*Поклонникам интеллектуальной прозы с мифологическим подтекстом (в духе Умберто Эко, Германа Гессе, Карлоса Кастанеды, но в женском, современном ключе).

*Тем, кто верит, что самая захватывающая Вселенная находится внутри нас, и жаждет её картографии.

Открывайте скорее дверь, ведь звёздный совет уже начался!

Пролог. Нисхождение (ASC СКОРПИОН).

Звёздный совет собирался не в зале и не во дворце. Он происходил в точке, где скрещивались свет тысячелетних комет и тихий гул чёрных дыр, перемалывающих устаревшие миры.

Богиня Диана пребывала в этой форме – как ветер в межзвёздной пустоте, как течение в подземной реке. Она была больше чем наблюдателем. **Она была воплощённым взглядом** – тёмным зеркалом озера, в котором отражаются огни, но никогда не вспыхивает ответный костёр. Лесная тень, что видит всё, но не имеет формы, чтобы вмешаться.

На мраморном столе, материализованном из космической пыли по прихоти Верховного Архонта, мерцал голографический образ. Планета. Континент. Городок, укутанный в одеяло речных туманов. И в нём – живая женщина, корчившаяся от немой боли. Боль исходила не из живота, а из грудной клетки, из места, где у людей, как говорят, помещается душа. Она только что предала свою мечту о живописи ради «надёжной» работы, угодив матери. Диана регистрировала это как факт: перелом, свершение, потеря. Никакой волны сострадания не поднялось в её вечном «сейчас». Существовало лишь понимание алгоритма. Она видела, как в энергетиче-

ческом теле женщины с хрустящим, ледяным звуком ломалась и сворачивалась в тугой, тёмный узел светящаяся нить – нить творческого потенциала. Место разлома тут же начало сочиться тусклым, ядовитым свечением вынужденного компромисса.

– **Почему?** – спросил её мыслью Архонт, чья форма напоминала статую Сатурна, высеченную из тёмного льда. – Ты видишь механизм. Объясни её выбор.

Диана сфокусировалась. Она видела паттерны: страх социального падения (квадратура с Сатурном), невысказанную ярость на мать (Плутон в 4-м доме), потребность в любви любой ценой (Луна в 7-м в оппозиции к...).

– **Она выбирает страдание как замену любви,** – прозвучал её голос, подобный шелесту страниц в гигантской библиотеке.

– Её мать давала ей хлеб, когда она плакала от обиды. Она усвоила: чтобы получить пищу, нужно испытывать боль. Это... неэффективно.

– **Это по-человечески,** – отозвался Архонт, и в его голосе появился оттенок чего-то незнакомого Диане – подобия усталой нежности.

– **Ты читаешь их как звёздные карты.** Но ты не знаешь вкуса этой горечи на языке. Не чувствуешь, как их страх висит в воздухе комнаты, как спёртый, тёплый пар после долгого плача. Для них этот запах – не сигнал опасности. Это запах дома. Ты ищешь логику там, где царствует привычка

к страданию.

Вокруг них проносились другие образы: мужчина, годами терпевший унижения на работе, потому что боялся одиночества; девушка, разрушавшая любые отношения, как только они становились счастливыми; старик, цеплявшийся за ненависть к соседу как за смысл жизни. Паттерны, паттерны, паттерны! Вечные, утомительные, иррациональные.

– **Я хочу понять**, – сказала Диана, и в её «голосе» впервые за тысячелетия прозвучала нота, несовместимая с чистым наблюдением. Это была капля смятения.

– Я вижу уравнение, но не понимаю, почему они предпочитают неверное, болезненное решение. **Что такого в этом опыте?**

Архонт медленно повернул к ней ледяное лицо. В глазницах горели холодные звёзды.

– Есть только один способ. Стать переменной в этом уравнении. **Спуститься. Забыть. Прожить.** Позволить их правилам, их страхам, их туманам обволакивать тебя, пока твой собственный свет не станет для тебя сомнительным воспоминанием.

– Это опасно, – отметила Диана.

– Это единственный путь к знанию, которое ты ищешь, – ответил Архонт.

– Но предупреждаю: если ты растворишься в них полностью, если примешь их искажённую правду за единственную, твой свет угаснет. Ты станешь ещё одним узлом боли в их

общей сети. **Твой подвиг будет не в том, чтобы избежать страдания, а в том, чтобы пройти через него и... вспомнить. Вспомнить себя, наблюдающую. Собрать себя заново уже не как богиню, а как... мост. Между нашим знанием и их опытом. Согласна?**

Диана посмотрела на голографию. Женщина теперь плакала, стиснув зубы, и её слёзы падали на клавиатуру офисного компьютера, оставляя солёные отпечатки на клавишах Ctrl, Alt и Delete – тех самых, что якобы давали ей контроль. В них было столько противоречия: и облегчение от сделанного «правильного» выбора, и смертельная тоска.

– Да, – сказала Диана. – **Я согласна.**

Не было падения, вспышки, крика. Началось сужение. Бесконечное сознание наблюдателя, луч чистой осознанности устремился в одну-единственную точку пространства-времени. В комнату, где пахло сушёной мятой и печалью. В тело, которое сделало первый вдох. В память, которая отказывалась принять масштаб происходящего.

Последним, что услышала Богиня, был голос Архонта, уже далёкий, как эхо из другого измерения:

– **Помни о Пороге. Он будет в зеркале. Ищи Союзников. Они придут в тишине.**

И прими Подарок...

Когда будешь готова увидеть его не как бремя, а как твой истинный язык.

А потом раздался первый крик. Не младенца.

Это был звук захлопывающейся двери. Двери в её прежнюю, вселенскую жизнь. Дверь в Звёздную Библиотеку захлопнулась. Остался лишь смутный свет под ней, как свет из-под двери в тёмную комнату.

Она вошла. Во тьму. В забвение. В первый вдох, обжигающий лёгкие ледяным воздухом после звёздной пустоты.

И где-то на самой грани растворения, в прощальном эхе, прозвучали последние слова Архонта, но не как напутствие, а как отголосок далёкого, тревожного эха:

«И помни, что твой самый тёмный час наступит не от руки врага, а от прикосновения того, в ком ты увидишь родственное пламя. Твой свет будет пытаться погасить не тьма, а другой, столь же яркий, столь же одинокий свет...»

Слова потеряли смысл, распались на слоги, на звуки, на боль. Осталось лишь смутное пятно тревоги в самом ядре нового, хрупкого сознания. Пятно, которому ещё предстояло прорасти кошмаром.

Глава 1. Рыбки в Аквариуме (1-й дом: Скорпион, Марс, Южный Узел).

Дом бабушки Вербены не стоял в городе – он вырос из его окраины, из спутанных корней старых ив и влажной, тёмной земли. Это было иное измерение, где воздух сгустился от ароматов, и они стали для Дианы первым языком. Она училась: мята – для тревоги, что просит успокоения. Полынь – чтобы выжечь чужие слёзы с порога. Сухой чабрец – для мужества...

Вербена не была сказочной бабушкой. Она была ботаником-мистиком, её руки в земле были мозолисты и точны. Она не лечила заговорами. **Она вела диалоги.**

– Смотри, – шептала она маленькой Диане, усадив её на тёплые ступеньки крыльца. В её ладони лежал увядший лист подорожника. – Он отдал свой сок мальчишке, который упал с велосипеда. Теперь его работа закончена. Он умирает. **Но его смерть – часть договора.** Растение знает: мальчик вырастет и посадит дуб, в тени которого будут отдыхать другие. Или просто станет чуть добрее. Это честный обмен.

Диана смотрела широко открытыми глазами, цвет которых был странно глубок для ребёнка – тёмные, как вода в колодце за домом. Она не просто слушала. **Она видела. Ви-**

дела, как тонкая серебристая нить отделяется от умирающего листа и тянется вдаль, к мальчишке, в его будущее. Она видела энергии. Скорпионий дар проникать в суть был с ней с рождения – не как умение, а как орган восприятия. Как зрение. Как слух.

Вербена замечала это. Она не восторгалась и не пугалась. Она принимала.

– **Ты видишь связи**, – говорила она, растирая в каменной ступке сухие корни. – **Это и есть дар**. И ответственность. **Никогда не говори о них тем, кто видит только поверхность. Они испугаются и сломают тебя, чтобы их мир остался плоским и понятным.**

Город с его прямыми улицами и чужими взглядами был аквариумом. А этот дом, с травами, сушёными на чердаке, с гулом пчёл в липах и молчаливым, мудрым колодцем, был океаном. Диана училась в нём плавать. Она узнала, что у страха есть вкус медной монеты на языке. Что ложь пахнет слегка подгоревшим молоком. Что настоящая радость звенит, как удар по хрустальному бокалу, и этот звук можно почувствовать кожей.

Её Марс в Скорпионе, её воля к глубокому проникновению, проявлялась в тихом, но упорном исследовании. Она могла часами сидеть у муравейника, наблюдая не за суетой, а за скрытым паттерном движения, за тем, как тревога человека, прошедшего неподалёку, заставляла всю колонию ме-

таться.

А потом Вербена умерла. Это случилось, когда Диане исполнилось три года. Не от болезни. **Она просто завершила свой путь.** Вечером она уложила Диану спать, как всегда, положив под подушку мешочек с лавандой.

– **Помни про договор**, рыбка моя, – сказала она, и её глаза светились тем же глубоким, водным светом, что и у внучки.

– **Всё во Вселенной держится на честном обмене. Даже любовь.**

Ночью Диана проснулась от тишины. Но тишина была не пустотой. Это была густая, насыщенная субстанция, прижавшаяся к стенам комнаты. Она слезла с кровати и босиком пошла в комнату бабушки.

Вербена лежала на кровати, укрытая старым лоскутным одеялом. Она была мертва. Но Диана, с её скорпионьим зрением, видела нечто иное. Она видела, как из тела медленно, подобно серебристому туману, поднималась светящаяся форма – точная копия Вербены, только более ясная, более настоящая. Форма обернулась, встретилась с Дианой взглядом. И улыбнулась. Без грусти. С пониманием. Потом она повернулась к лунному лучу, падавшему из окна прямо на пол, и вошла в этот луч, растворившись в его свете, как капля ртути в воде.

Диана не заплакала. Она села на пол, поджав ноги, и на-

блюдала. Она чувствовала не горе, а благоговейный трепет. Это было красиво. Это было завершённое, совершенное действие. **Бабушка исполнила свой договор с жизнью и ушла.** Не разорвав нити, а аккуратно их отпустив.

Дом опустел и замер в ожидании.

На следующий день приехали родители. Их энергия во-
рвалась в дом как ураган из острых углов и невысказанных упрёков. Мать, Ариадна, пахла строгостью и едким запахом дезинфицирующего средства для рук. Отец, Лев, был тихой, выцветшей тенью за её спиной. Их мир был миром правильных линий, отчётов и страха перед всем, что нельзя уложить в таблицу.

Аквариум сменился. Теперь это была стандартная трёхкомнатная квартира в панельной пятиэтажке. Всё в ней было гладкое, моющееся, бесприютное.

Бабушкины вещи раздали. Диане оставили только маленькую деревянную шкатулку, которую мать назвала «бабушкиным хламом».

В новом аквариуме вода была мутной от невысказанного. Диана быстро выучила правила выживания. Чтобы не вызвать гнев матери, нужно быть тихой, незаметной, полезной. Чтобы не расстраивать отца (хотя, казалось, его вообще ничто не могло расстроить или обрадовать), нужно не задавать вопросов. Она стала служанкой-призраком. Мыла посуду под мерцание телевизора. Вытирала пыль с бесчувственных поверхностей. Её мир съёжился до размеров квартиры,

но её внутреннее зрение лишь обострилось.

Она видела, как страх отца перед матерью расползлся серой, липкой паутиной, опутывая его горло. Видела, как гнев матери копился у неё в желудке тяжёлым, тлеющим углём. Диана научилась считывать настроение в доме по энергии в воздухе, как моряк по ветру. И старалась подстраиваться. Это было её первое, инстинктивное применение дара – не для помощи, а для камуфляжа, для выживания.

Однажды, убираясь в верхнем шкафу, куда мать сваливала ненужные вещи, она нашла ту самую шкатулку. Не украшения лежали внутри. Там была самодельная колода карт. Карты были из плотного, пожелтевшего от времени картона. На каждой была тщательно, с любовью выведенная тушью иллюстрация растения, минерала или символа, и короткая, ёмкая надпись.

Диана перебирала их дрожащими пальцами. «Вербена: дикий дух, растущий на руинах». «Кремень: искра в темноте, рождающая огонь трения». «Паутина: ловушка, сотканная из твоих же страхов».

Она вытащила одну наугад. На ней был изображён корень мандрагоры, причудливо изогнутый, почти человекообразный. Надпись гласила: **«Боль, что кричит хочет, чтобы её услышали».**

Девочка, движимая импульсом, которого не понимала, поднесла карту к губам и коснулась её языком.

Вкус обрушился на неё волной. Это был вкус влажной, хо-

лодной земли, первобытной горечи и... немой, всепоглощающей печали. Печали, которая была старше её, старше этого дома, старше самого города. Это была не её печаль. Это была печаль самой боли как явления.

Диана выронила карту, шарахнувшись назад. Она сидела на полу, обхватив себя руками, пытаясь проглотить этот чужой, насыщенный вкус. И в этот момент она поняла. Не умом. Всем существом. Бабушка не просто собирала травы. **Она разговаривала с сущностями вещей.** И эти карты были не инструментом гадания, а алфавитом этого языка. **Языка договоров, связей и смыслов, спрятанных под льдом реальности.**

И этот язык, она чувствовала, был и её языком тоже. Единственным, на котором она могла бы когда-нибудь по-настоящему заговорить.

Дрожащими руками она собрала карты, бережно уложила их обратно в шкатулку и спрятала под матрас. Её сокровище. Её первый, тайный шаг к воспоминанию того, кем она была.

На следующее утро, за завтраком, мать неожиданно спросила, не повышая голоса, строго глядя на свою тарелку с овсянкой:

– Диана, что это у тебя вчера вечером было во рту? Я нашла на полу у шкафа кусочек картона. Пахнет странно. Землёй и чем-то горьким.

Лёд пробежал по спине девочки. Она не видела, чтобы карта упала. Неужели мать зашла не просто так, а обыскива-

ла комнату? Втихомолку?

– Ничего, мама, – прошептала Диана, глядя на свои ладони. – Это... старая открытка. От Вербены.

– Выбрось, – отрезала Ариадна, и в её голосе зазвенела сталь. – Нечего собирать хлам, как мать твоего отца. И руки после него мой с мылом. Там микробы.

Отец, как всегда, молчал. Но в этот раз Диана поймала его быстрый, полный немой тоски взгляд на неё – и тут же на мать. Взгляд, который длился долю секунды и говорил больше, чем все его недели молчания. В нём было предупреждение.

И страх.

В ту ночь Диана не спала. Она прижимала шкатулку к груди и впервые почувствовала не радость открытия, а холодок абсолютного, ледяющего одиночества. **Её дар был не только языком. Он был тайной.** А тайны, как теперь знала даже десятилетняя девочка, в этом доме были смертельно опасны.

За окном, над крышами Подтуманска, клубился обычный вечерний туман. Но Диане теперь казалось, что это не просто испарения. Это было дыхание спящего города. Дыхание, полное невысказанных слов, которые однажды, она была уверена, обратятся к ней. И ей нужно быть готовой либо ответить, либо навсегда замереть, притворившись немой рыбкой в мутной воде чужого аквариума.

ГЛАВА 2. Клад (2-й дом: Скорпион, Нептун).

Подростковый возраст обрушился на Диану, как внезапный шторм на тихую заводь. Её «странности», до того малозаметные дома, в школе вышли под увеличительное стекло. Шёпот «ведьма» преследовал её по коридорам, шипел из-за спины на уроках. В ответ Диана выстроила целый обряд «нормальности»: как надо улыбаться, как смеяться, как опускать глаза, чтобы не видеть слишком много.

Но её тело, эта предательская плоть, отказывалось играть по правилам.

В моменты стресса, когда голоса одноклассников сливались в злой гул, на её коже – на внутренней стороне запястий, на ключицах – проступали символы. Словно иней на стекле, проявлял себя Нептун: призрачный трезубец (власть над глубинами), изящная чаша (вместилище тайн), туманное зеркало (отражение чужих душ). Узоры были прозрачными, едва заметными, но на ощупь кожа в этих местах становилась холодной, как лёд. Она научилась носить платья с длинными рукавами, пряча свою стыдную, проступающую наружу мистичность.

Единственным существом, на которое её дар изливался свободно, без страха и стыда, был брат Марк. В его присут-

ствии отступала необходимость в мимикрии. Она пела ему колыбельные, и в её голосе звучала та самая материнская магия Луны в Тельце – тёплая, укоренённая, убаюкивающая. Он затихал мгновенно, погружаясь в сон, полный безопасности. Она читала его, как открытую книгу, написанную на языке едва зарождающихся ощущений. Видела, как тень будущей колики только начинает сгущаться в его энергетическом поле, и успевала приложить к животику тёплую ладонь, прежде чем раздавался первый плач. Он был её живым, дышащим сокровищем – кладом, который не нужно было прятать, потому что он сам по себе был целым миром, не знающим осуждения.

Побег от мира стал навязчивой идеей. И она нашла его – в заброшенном, заросшем бурьяном бабушкином домишке на окраине города. Там, в самом конце участка, под сенью ивы, скрывался старый колодец. Его сруб почернел от времени и влаги, верёвка давно сгнила. Это было не просто отверстие в земле. **Колодец был порталом.**

Однажды, в сумерках, отчаявшись после особенно серого дня в школе, она в который раз пришла туда. Заглянула в чёрный зев. И увидела не отблеск воды где-то внизу.

Она увидела галактику.

Бесчисленные звёзды, туманности, спирали света медленно вращались в бездонной глубине. Это был космос, спрятанный под землёй. Её собственный космос.

И тогда из глубины, не ушами, а каждой клеткой своего

тела, она слышала Голос. Он был похож на отдалённый гул океана, на шёпот всех вод мира сразу.

– **Твоё богатство здесь, в глубине.** Но сокровища глубины не взвешивают на рынке. Чтобы прикоснуться к нему, ты должна сначала опустошить карманы мира. Признать себя нищей.

Сердце бешено колотилось. Что она могла отдать? У неё не было ничего своего. Ничего, кроме... кроме маленького серебряного медальона Вербены, который тайно носила на груди. В нём не было изображения – только причудливая насечка, похожая на спираль. Бабушка говорила: «Это знак начала».

Диана сорвала цепочку с шеи. Медальон блеснул в последних лучах солнца. Без раздумий, в порыве абсолютного доверия к Голосу из колодца, она разжала пальцы.

Серебряная спираль упала вниз, в звёздную бездну. Не последовало всплеска. Медальон исчез, словно растаял в свете далёких солнц.

Наступила тишина. **Но внутри Дианы что-то щёлкнуло, словно щёлкнул замок, открывая дверь в запретную комнату. Она не почувствовала потери. Она почувствовала потенциал. Жертва была принята. Договор заключён.**

С этого дня узоры инея на её коже стали проявляться чуть чётче. А в самые тяжёлые моменты она чувствовала на язы-

ке не только медь страха, но и лёгкий, охлаждающий привкус звёздной пыли.

Она стала чаще уходить к домику, к колодцу. Это было её тайное святилище.

Иногда, сидя на сгнивших ступеньках крыльца, она представляла, как будет здесь жить. План был спартанским, лишённым уюта, но именно это и придавало ему черты реальности. Это был не побег в мечту, а проект выживания. И этот проект грел её изнутри куда сильнее, чем любое одеяло в холодной квартире родителей.

Но однажды, придя туда, она обнаружила следы. Не животного. Человека. Кто-то недавно примял траву вокруг сруба. А на самом краю, втоптаный в грязь, лежал окурок с отпечатком губной помады. Ярко-красной. Такой, какой не пользовались в их городе. Такой, какая была у матери Ариадны.

Холодный ужас, куда более реальный, чем галактика в колодце, сковал Диану. Её тайное место было обнаружено. И если нашла мать ... то что она искала? Следы шалостей? Или нечто иное?

Диана посмотрела на колодец. Звёзды в его глубине мерцали, как обычно. Но теперь их свет казался ей не обещанием, а предупреждением. Её внутреннее богатство, её клад, уже привлёк внимание. **И за внимание, как учил любой договор, всегда приходится платить.**

Глава 3. Каменные Слова (3-й дом в Козероге).

Школа была для Дианы системой чужого языка. Здесь сортировали не по тому, видишь ли ты нити между вещами, а по тому, насколько безошибочно ты можешь воспроизвести заданный алгоритм. Она овладела мимикрией в совершенстве. Надевала маску «тихой, старательной девочки» так же механически, как школьную форму. Отвечала, когда спрашивали, получала свои «хорошо» и «отлично», растворяясь в серой массе.

Но были трещины. На уроке литературы, когда разбирали «Героя нашего времени», учительница спросила:

– В чём, по-вашему, трагедия Печорина?

Типичный ответ прозвучал от отличницы: «В противоречии между его большими возможностями и мелкими поступками».

Диана, глядя в окно на галку, пытавшуюся расколоть клювом замёрзшую лужу, сказала – не поднимая руки, тихо, но так, что все услышали:

– Он не мог выйти из сценария. Он был заперт в мифе об избранном страдальце, который сам для себя и написал. И боялся, что если сценарий закончится, не останется ничего. Даже страдания.

В классе повисла тишина, густая, как туман за окном. Учительница, женщина с усталыми глазами за толстыми стёклами, смотрела на неё так, будто Диана только что заговорила на древнешумерском.

– Откуда ты... это взяла? – наконец выдавила она.

– **Я увидела**, – честно ответила Диана.

После этого за ней окончательно закрепилась кличка «ведьма» – странная и немного жуткая.

Единственным человеком, кто отреагировал иначе, была Кира. Кире было шестнадцать, она носила идеально отглаженную белую рубашку и уже знала, что будет юристом. Её ум был острым и логичным. Она подошла к Диане после уроков, прямо, без предисловий.

– Про Печорина – это точно. Как будто прочитала его личное дело, а не книгу.

– Спасибо, – настороженно сказала Диана.

– А можешь со мной? – вдруг спросила Кира. В её глазах не было любопытства, лишь деловое беспокойство.

– У меня сон. Один и тот же. Я падаю с лестницы. Бесконечно. И не могу проснуться, пока не ударюсь. Каждую ночь.

Это было предложением о контракте, хотя ни одна из них этого не осознавала. Кире нужен был диагноз, порядок в хаосе её ночного мира. Диане, наверное, нужен был хоть один человек, который попросил бы её не спрятаться, а посмотреть.

Они пошли в пустой кабинет химии. Диана не знала ника-

ких методик. Она просто смотрела на Киру, отключив внутренний фильтр, позволяя образам приходить.

– Опиши лестницу, – попросила она.

– Широкая. Мраморная. Как в старом институте или библиотеке. Очень чистая.

– Ты поднимаешься или спускаешься?

Кира задумалась.

– Кажется... я стою наверху. И смотрю вниз. А потом падаю.

– Что внизу?

– Пол. Тоже мраморный. Блестящий.

Диана закрыла глаза, отключив внутренний монолог. Она ловила образ, который приходил на запах страха, исходящий от Киры, – острый, металлический, как запах чистящего средства. В её воображении возникла не лестница, а схема. Чёткие линии, геометрическая прогрессия ступеней. График.

– Это не лестница, – сказала Диана наконец, открыв глаза.

– Это... график. Карьерного роста. Или социального. Ты стоишь на самой высокой точке, которую можешь представить для себя. И боишься не упасть, Кира. Ты боишься сделать неверный шаг. Выбрать не ту следующую ступень. И тогда всё – крах, падение, удар. Твой сон – не про страх высоты. Он про страх неправильного выбора в условиях, когда каждый шаг должен быть идеальным.

Кира побледнела. Она молчала минуту, две. Потом медленно кивнула.

– Мама говорит, что если я не поступлю на юрфак в столицу, то вся жизнь пойдет под откос. Что это будет позором для семьи.

– Вот он, твой мраморный пол, – тихо сказала Диана. – Ожидание этого позора.

Это был не сеанс исцеления. **Это была диагностика.** Но для Кире это оказалось важнее. **Теперь у страха было название, структура. С ним можно было спорить, можно было строить планы, как обойти.**

– Спасибо, – сказала Кира, и её голос звучал твёрже. – Теперь хоть понятно, с чем драться.

Они не стали лучшими подругами. **Они стали попутчиками.** Кира помогала Диане с алгеброй и обществознанием, втискивая сложные концепции в чёткие схемы. Диана иногда, в ответ, помогала Кире «расшифровать» мотивы учителей или одноклассников, чтобы та могла выстроить более эффективную стратегию поведения. Их союз был построен на взаимной пользе и уважении к странностям друг друга. Это был первый, прочный мост, который Диана построила во внешний мир – не из эмоций, а из общего дела.

А дома назревала буря. Диане было семнадцать, пора было определяться с вузом. Мать, Ариадна, составила таблицу. Столбцы: «Профессия», «Востребованность», «Зарплата», «Статус». Строки: «Экономист», «Юрист», «Учитель»,

«Врач». Варианта «Психолог» в таблице не было. Это была, по мнению Ариадны, «профессия для тех, кто не может разобраться в собственной жизни».

– Ты пойдёшь на экономиста, – объявила она за ужином, отодвигая тарелку с недоеденной котлетой. – Или на врача. Нужно думать о будущем.

Отец, Лев, молча, ковырял вилкой в картофельном пюре, его взгляд был устремлён куда-то в область плеча жены. Марк, уже семилетний, с интересом смотрел на сестру, чувствуя напряжение.

Диана сидела, сжавшись. Внутри неё бушевало протест, кипели страх и ярость. Но кричать, плакать – это не работало бы. Это язык эмоций, который мать считала «неконструктивным». Нужен был другой язык. Язык фактов. Язык неоспоримой логики. Каменные слова.

Она подняла голову. Взяла стакан воды, сделала глоток, чтобы смочить внезапно пересохшее горло. И когда заговорила, её голос прозвучал непривычно ровно, холодно, бесстрастно.

– Мама, ты – учитель. Ты учишь детей формулам, правилам, датам.

Вопрос.

Она сделала паузу, заставляя мать встретиться с ней взглядом.

– Почему один ребёнок, зная формулу, видит в ней красоту мироздания, а другой – только клетку, в которую нужно

вписать ответ? Почему один, выучив дату, чувствует связь с людьми того времени, а для другого это просто цифра для контрольной?

Ариадна нахмурилась.

– Способности разные. Характер.

– Именно. Характер. Мотивация. Внутренний мир.

Диана говорила чётко, отчеканивая каждое слово, будто выкладывая доказательства на стол между ними.

– Ты учишь чему. Но чтобы научить эффективно, нужно понимать кого. Понимать, как устроена его психика. Почему он боится. Почему ленится. Почему бунтует. Это не «разборки в собственной жизни». Это – метанавык. Наука о том, как человек учится, принимает решения, страдает и радуется.

Она выдохнула. В груди что-то дрожало, но голос не подвёл.

– **Я хочу быть психологом.** Не для того, чтобы копаться в чужом грязном белье. А для того, чтобы найти инструменты. Чтобы помогать людям – и учителям в том числе – находить общий язык с их собственным разумом. Чтобы твои ученики не просто зазубривали, а понимали. Чтобы они не ломались под давлением. Это практично, мама. Это важнее, чем просто знать, как посчитать прибыль. Потому что прибыль можно потерять. А умение жить с собой – это капитал на всю жизнь.

В кухне повисла тишина, которую можно было резать. Даже Лев оторвал взгляд от тарелки и смотрел на дочь с немой

изумлением. Марк затаил дыхание. Ариадна смотрела на Диану. В её глазах мелькали привычные эмоции: гнев, раздражение, желание задавить. Но под ними проглядывало нечто иное – растерянность. Она была готова к истерике, к слезам, к подростковому бунту. Она была вооружена против этого. Но против этой ледяной, каменной логики, против этого странного, взрослого спокойствия – у неё не было оружия.

– Это... блажь, – наконец выдохнула она, но в её голосе уже не было прежней непоколебимости. Была усталость. – Ты не представляешь, как там трудно устроиться.

– Значит, будет трудно, – парировала Диана, не опуская глаз. – Но я буду учиться тому, что мне интересно. И в чём, я уверена, я буду хороша.

Она не просила разрешения. Она констатировала. Это было заявлением о своих границах, выложенным не из эмоционального кирпича, а из гранита аргументов.

Мать ничего не сказала. Она встала, отнесла тарелку к раковине и начала шумно мыть посуду. Это означало конец дискуссии. Но не поражение Дианы. Это была ничья. Война продолжалась, но первая, самая важная битва – за право на собственный голос – была ею выиграна.

Позже, в своей комнате, Диана прижалась лбом к холодному стеклу окна, она ещё дрожала от выплеснутого адреналина. Но на губах у неё была странная, неуверенная улыбка. Она сделала это. Она нашла слова. Не бабушкины слова-образы,

а свои слова-инструменты

.Она пересекла первый настоящий внутренний Порог

– из мира безмолвного наблюдения в мир действия.

И это действие было словом. Твёрдым, как камень. Оно было первым камнем в фундаменте её будущего дома. Дома, который её ещё только предстояло построить в мире, где её главным инструментом отныне будет не молчаливое видение, а речь.

Глава4. Дом бабушки как Вселенная (4-й дом в Водолее, в Меркурий, в Рыбах).

Победа над матерью оказалась пирровой. Ариадна не простила дерзости. Холодная война в квартире сменилась тлеющим окопным противостоянием. Разговоры свелись к обмену бытовыми фразами, острыми, как осколки стекла. Диана стала ещё более призрачной, выполняя свои обязанности с механической точностью, но её внутренний мир окончательно отгородился невидимой, звуконепроницаемой стеной.

Переезд она осуществила тихо, в один из дней, когда родителей не было дома. Собрав свои немногие вещи: книги, бабушкину шкатулку, несколько тетрадей с записями понятными лишь ей. Последней она вынула из-под матраса потрепанную тетрадь в чёрной обложке – **«Дневник Колодца»**. От детских каракуль, где она пыталась зарисовать «узоры на воде», до недавних строк: «Страх матери – это не зверь. Это механизм. Шестерёнки из «надо» и «должна».

Она поняла, что кроме этого, у неё не было ничего своего. Ни денег накопленных тайком (мать контролировала всё), ни «запасного аэродрома».

Была только воля и холодная уверенность, что обратного пути нет.

«Здесь сыро и темно», – констатировала Кира на следующий день, оглядывая покосившееся крыльцо и заросший бурьяном палисадник. Она привезла раскладушку и электрический чайник – свой вклад в «кампанию по обустройству норы», как она это назвала.

Первая ночь стала экзаменом на прочность.

Каждый скрип половицы, каждый шорох снаружи заставлял сердце биться чаще. Не от страха перед мифическими чудовищами – перед реальностью полной, взрослой ответственности. Она легла на раскладушку, укрывшись пальто, и смотрела в пустоту. «И что теперь?» – спросил внутренний голос. Ответа не было. Было только пространство. Пустое. **Это и было освобождением. Не от проблем, а от необходимости быть кем-то другим.**

При детальном осмотре, дом оказался даже лучше, чем она ожидала. Стены, выложенные старым, шершавым кирпичом, дышали историей и тишиной.

Диана не стала делать его «уютным» в обычном смысле. Она купила почти чёрную краску для потолка и самую белую – для стен. За неделю, крася по ночам, она превратила потолок в ночное небо. Не просто тёмное. С помощью флуоресцирующих красок и скрупулёзной сверки с картой звёздного неба на день своего рождения она воссоздала его. Вот крупная звезда – её Солнце в Рыбах. Вот скопление – Плутон с Ураном в Деве. Вот туманное пятнышко – Нептун в Скорпионе. Лёжа на раскладушке, которую принесла Кира, Диа-

на могла смотреть вверх и видеть свою собственную, личную вселенную. **Это был её первый, физически воплощённый Звёздный Лимб.**

В углу она поставила старый деревянный стол, найденный на помойке и отреставрированный. Над ним прибила полки из нестроганных досок. На полки встали книги: не только по психологии, но и по мифологии, трактаты по символизму. И главное – тетради. Много тетрадей. Здесь её Меркурий в Рыбах в 4-м доме наконец-то вырвался на свободу. Дневник «Колодца» перестал быть тайным. Он стал рабочим инструментом.

Она заводи́ла тетради, давая им имена:

«**Словарь ветров**» – для описания эмоций и настроений клиентов.

«**Атлас туманов**» – для фиксации непонятных, размытых состояний и снов.

«**Хроники договоров**» – для анализа того, как люди заключают негласные сделки с миром, с близкими, с собой.

Несколько недель клиентов не было вообще.

Первой, скорее из любопытства, пришла дальняя знакомая Вербены.

– Ну-ка, деточка, – сказала она, усаживаясь на единственный стул и оглядывая голые стены. – Говорят, ты судьбу рассказать можешь. Мне бы узнать, вернётся ли мой Алёша из армии да женится ли на той, городской.

– Я не гадаю, Мария Петровна, – тихо сказала Диана, са-

дьясь напротив. – **Но я могу послушать, какой страх вы прячете за вопросом об Алёше.** И, может быть, мы найдём, как с этим страхом поговорить.

Старуха нахмурилась, но осталась. Через час она уходила, не получив предсказания, но унеся с собой странное чувство облегчения. Взамен на столе осталось три смятых купюры и два яйца, завернутые в газету. Это был не гонорар. **Это был акт признания её труда, её времени. Первый кирпичик в фундаменте её независимости.**

Так, по одному, к ней начали приходить люди. Не поток, а редкий ручеек. Платили кто сколько мог: деньгами, пирогами, мёдом, помощью по хозяйству. Диана принимала с благодарностью. **Это была часть договора.**

Писать она могла часами. Её стиль был странным потоком сознания, перетекающим в анализ. «Сегодня пришла женщина. От неё веет замшевыми перчатками и грустью, которая пахнет, как увядающие пионы. Говорит о сыне, который её не слышит. Но на самом деле она говорит о своей матери, которая никогда её не видела. Её боль – это эхо. Эхо в пустой комнате её детства. Нужно не гасить эхо, а найти ту первую дверь, которая хлопнула...»

Однажды вечером, когда она писала, раздался тихий стук в дверь, ведущую прямо на улицу. Она открыла. На пороге стоял её отец, Лев. Он казался ещё более сжавшимся, съевшимся, чем обычно. В руках он держал старый, потре-

панный чемодан.

– Можно? – хрипло спросил он.

Он вошёл, оглядел комнату, его взгляд задержался на звёздном потолке. На его лице не было осуждения, лишь тихое изумление.

– Креативно, – выдавил он наконец.

– Садись, папа. Чаю?

Он молча кивнул. Пока она возилась с чайником, он сидел на единственном стуле, положив руки на колени, и смотрел в пол.

– Мама не знает, что ты здесь? – спросила Диана, ставя перед ним чашку.

– Нет. Сказал, что к знакомому по работе. – Он помолчал. – Я... я не могу так больше.

Он не кричал, не плакал. Он просто констатировал факт, как бухгалтер, обнаруживший фатальную ошибку в годовом отчёте.

– Что «так», пап?

– Молчать. – Он поднял на неё глаза, и в них была бездонная усталость, от которой у Дианы сжалось сердце. – Я разучился говорить. Кажется, я забыл слова. Только цифры. Дебет, кредит, сальдо. А сказать... «мне больно». «Я боюсь». «Я люблю». Эти слова... они застряли. Где-то здесь. – Он ткнул пальцем в собственную грудную клетку.

Это был её шанс. Не как дочери. Как душеведа. Она

вспомнила урок Вербены о договорах. Отец пришёл не за жалостью. Он пришёл за инструментом. За языком для своего молчания.

– Папа, – сказала она мягко. – Давай сделаем так. Мы не будем говорить. Совсем. Ты будешь... рисовать.

– Я не умею рисовать, – тут же отреагировал он.

– Никто не умеет. Это не про умение. – Она встала, взяла с полки большой ватман и коробку пастели. Разложила на столе. – Я включу музыку. Ты закроешь глаза. И будешь водить по бумаге тем цветом, который подсказывает тебе музыка. Не форму. Просто цвет. Линии. Пятна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.